

АЗИРИС НУНА

или
СЕГОДНЯ, МАМА!

Сергей ЛУКЬЯНЕНКО

Юлий БУРКИН

Сергей Васильевич Лукьяненко
Юлий Сергеевич Буркин
Сегодня, мама!
Серия «Остров Русь», книга 1

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=132355

Азирис Нуна, или Сегодня, мама!/: АСТ, Астрель, Транзиткнига;

Москва; 2006

ISBN 5-17-036975-1

Аннотация

Невероятные приключения двух мальчишек на Земле и в космосе, в прошлом и будущем!

Веселая, искрометная и необычайно увлекательная повесть Сергея Лукьяненко и Юлия Буркина легла в основу фантастического блокбастера «Азирис Нуна»!

Содержание

Предисловие	5
Часть первая	28
Глава первая,	28
Глава вторая,	44
Глава третья,	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Сергей Лукьяненко, Юлий Буркин Сегодня, мама!

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Предисловие

О маминых кошках, папиных инопланетянах и о том, как мы учили древнеегипетский

Я проснулся, когда Ирбис, красный персидский кот, заворочался на подушке и ткнул меня в нос хвостом. Хвост был мягкий, на самом кончике белый и особенно пушистый.

Когда персидские коты линяют – это плохо. А если они при этом еще и любят спать на твоей подушке, это кошмар. Я осторожно взял Ирбиса за кончик хвоста и сделал вид, что собираюсь дернуть. Кот презрительно посмотрел на меня медно-красными глазами и отвернулся. Чихать он на меня хотел. Двенадцатилетние мальчики нигде не считаются священными, а вот коты – да: в Египте.

– Стас, – тихонько позвал я. – Стас, ты дрыхнешь?

Брат не ответил, лишь сверху доносилось его сонное посапывание. Он спит надо мной – у нас двухэтажная кровать, и мой одноклассник Валька Мельник сказал однажды, что это как в тюрьме. Я не нашелся что ответить, а Стас сразу поблагодарил Вальку за информацию, потому что мы в тюрьме еще не бывали. Вышло так, будто Валька сидел в тюрьме. Он обозлился, обругал за это Стаса и плюнул в него. Но не

попал.

– Стас! – позвал я для порядка еще разок, подхватывая Ирбиса под теплое толстое брюхо, встал и заглянул на его кровать. Разумеется, брат спал, подушка у него не была усыпана кошачьими волосами, и только в ногах лежал маленький беспородный котенок, которого мама принесла вчера вечером.

Я положил Ирбиса Стасу под щеку, чтобы коту не было скучно в моей пустой постели, а беспородного, не имеющего еще клички котенка засунул ему под одеяло. Котенок начал искать выход из плена, а я побежал умываться.

В коридоре царило легкое утреннее столпотворение. Папа кормил тех кошек, что уже соизволили проснуться, а мама, стоя перед зеркалом, торопливо подкрашивала ресницы. Вот интересно: кошки – хобби мамино, а возиться с ними приходится нам с папой. Но любит она кошек прямо ненормально. Хотя вообще-то она не сумасшедшая. Просто у нее есть «пунктики» – так папа говорит.

Однажды кошки начали беситься, чуть ли не по потолку бегать. Потом оказалось, что кошка по имени Собака котят ждет, а в этом случае остальные кошки психуют. Завидуют, наверное. Но мама тогда этого не знала и решила показать их ветеринару. Приходит в ветлечебницу и говорит:

– Доктор, посмотрите моих кошек.

– А где они? – спрашивает тот.

– Здесь, – отвечает мама, кладет на стол чемоданчик и от-

крывает его. А там лежат восемь кошек по стойке «смирно». Лапы связаны и морды забинтованы – чтобы не орали. Только хвосты – туда-сюда, влево-вправо.

Вся лечебница бегала посмотреть...

Так вот, вышел я в коридор, а мама, накрашиваясь, увидела меня в зеркало и сказала:

– Хухер-мухер¹, Костя.

– Хухры-мухры, цурюка², – торопливо пробормотал я.

Мама оторвалась от зеркала, повернулась ко мне и с возмущением переспросила:

– Цурюка? Зап ардажер, сердев ынау-мынау³!

– Эй! – возмутился папа, переставая раскладывать корм по мискам. – Я тоже немного язык знаю! Это кто же тогда ынау-мынау? Я?

– Ардажер, хухры-мухры, мухры-хухры, – затараторил я. – Зап Сет тага горк минерап. Зап шердап. Лапсердюк. Ыкувон, генекал ардажер. Ынау-мынау ардажер ук. Зап ынау-мынау. (Ну, сможете сами перевести? Слабо? Позор... «Мама, доброе утро два раза подряд. Сет⁴ отуманил мой разум во сне. Я кривоязыкий. Мое уважение огромно. Папа, не ругайся с мамой; пустынным шакалом мама назвала меня. Я пустынный шакал».)

¹ Доброе утро (возможно, др.-егип.).

² И тебе доброго утра, подружка (возм., др.-егип.).

³ Подружка?! Я твоя мать, сын пустынного шакала! (возм., др.-егип.).

⁴ Сет – довольно неприятный др. – египетский бог. – Примеч. авторов.

– Вот так-то, – миролюбиво сказала мама, переходя на русский. Из-за легкого узбекского акцента казалось, что она с родного языка перешла на иностранный. Мама выросла в Ташкенте. Во время землетрясения ее родители пропали, и она жила в детдоме. Но рассказывать об этом не любит. Зато о Ташкенте может часами говорить. Если ее послушать, то на свете нет города красивее и солнечнее. И люди там особенные, и персики там, и вообще... Это ее пунктик № 2 – после кошек. Нет, № 3, второй – это древнеегипетский.

На самом-то деле никто не знает, как древние египтяне говорили, ведь их язык сохранился только в древних надписях, и одни специалисты, например, считают, что пустынный шакал произносится «ынау-мынау», а другие – «еня-меня». Но если уж маме пришлось в голову учить нас древнеегипетскому... Мы со Стасом сначала бунтовали, но потом передумали; никто этого языка не знает, и у нас будет свой секретный шифр.

Проскользнув в ванную, я принялся ожесточенно чистить зубы. Хорошо, что сегодня суббота. Не надо учить уроки, особенно английский. А то у меня все перепуталось. В среду был пересказ текста, и я два раза «школу» вместо «скул» называл «цурах»⁵. Хорошо еще, что глуховатая Елена Константиновна, наша учительница, больше внимания обращает на уверенный тон, чем на то, что говоришь.

Бормоча детскую считалочку: «Каргаз, ушур, нердак ту-

⁵ школа (возм., др.-егип.).

шур» (раз, два, третий – крокодил), в ванную вошел Стас. На плече у него, вцепившись когтями в майку и вздыбив шерсть, сидел безымянный котенок. Первым делом Стас пихнул меня, оттесняя от раковины, и начал намазывать зубную щетку, не переставая нудить: «Нердак тушур, перум, южур...»

– Будешь пихаться, схлопочешь, карауц болотный, – предупредил я. Стасу всего одиннадцать, но все время приходится напоминать ему, кто у нас старший. – Отпусти котенка, ему же страшно.

– Хухер-мухер, – невинно сказал Стас. – Ничего ему не страшно.

– Он кот или кошка? – поинтересовался я.

Стас скосил глаза на котенка и сказал:

– Не знаю. Он еще маленький. И пушистый. Признаки пола не выражены.

– Это у тебя не выражены, дубина пушистая, – разозлился я. – Его же назвать как-то надо!

– Назовем Вaley, – беззаботно предложил Стас. – Это и мужское имя и женское.

– А почему именно Вaley? – удивился я.

– Мельнику назло. А то плюется, как курдеп⁶, – буркнул Стас, изучая в зеркале свою белобрысую физиономию. Он весь в папу, а я как мама: черноволосый и худой.

Я вытерся полотенцем и съязвил:

– Что, усы ищешь?

⁶ верблюды (возм., др.-егип.).

Стас неожиданно покраснел и зашипел:

– Каваока Сет шенгар⁷!

– Окавака Сет шенгар⁸! – не остался я в долгу.

Дверь открылась, и вошел папа. Как раз в ту минуту, когда мы готовились вцепиться друг в друга. Папа снял котенка со Стаськиного плеча и спросил:

– Чего-то не поделили, полиглоты?

– Нет, папа, – дуэтом ответили мы.

– Точно? – усомнился папа. – Не ссорьтесь. Чтобы драться не пришлось.

Держа котенка за шкурку, он вышел. А мы со Стасом понимающе переглянулись. Если папа начал говорить с уточнениями («выключи свет, чтобы темно стало», «позови Стаса, чтобы пришел»), – значит, он погружен в обдумывание...

– Опять инопланетян ищет, – обреченно сказал Стас.

– Точно, – любимым папиным словечком ответил я. – Чтобы жить веселее было.

Папа у нас тоже не сумасшедший. Честное слово. Он археолог, так же как и мама. Просто папа верит в палеоконтакт. Знаете, что это такое? Те, кто верит в палеоконтакт, думают, что на Землю прилетали инопланетяне. Только не сейчас, а давным-давно, еще в первобытные времена. Так что если покопаться хорошенько в древних развалинах или просто в земле, то можно найти скелет инопланетянина, его любимый

⁷ Рот Сета, вымазанный гнилой едой (возм., др.-егип.).

⁸ Нецензурно.

бластер или даже целый космический корабль. И это вовсе не для того, чтобы прославиться. Просто папа считает, что когда имеешь перед собой такую трудную задачу, то жить веселее и интереснее. Я с этим согласен. Жить веселее. Особенно окружающим. Стас немного помолчал, потом неохотно сказал:

– Ладно, Костя, кеп-хур-ушурбац⁹.

– Кеп-хур-ушурбац, – согласился я.

И мы пошли завтракать.

Папа ел молча, о чем-то сосредоточенно размышляя, а мама первая никогда говорить не начинает. Она у нас сдержанная и невозмутимая. «Так и должна вести себя женщина Востока, – говорит она, – это традиция». А папа шутит: «За это я тебя и полюбил». А дело было так. Когда папа учился на четвертом курсе Ленинградского археологического, а мама – на первом, они на практике вместе попали на раскопки старинной мечети. И папа там выкопал инопланетный череп. Нужно было срочно бежать за фотоаппаратом и фиксирующим раствором, но начался дождь. Папа испугался, что, пока он бежит, череп будет поврежден водой. Тут только он и заметил первокурсницу, которая молча копалась возле него.

– Вас как звать? – спросил он.

– Галина, – ответила наша будущая мама.

– Вот что, Галя, – сказал он, – идите сюда. Чтобы помочь. Это очень важно. – Он указал на череп. – Я сейчас вернусь, а

⁹ мир; точнее – «время-между-войнами» (возм., др.-егип.).

вы постоит. Чтобы сберечь. Вот так, – и он продемонстрировал, встав над черепом на четвереньки.

Папа все никак не мог найти раствор, а дождь стал сильнее и превратился в ливень. Только минут через сорок с фотоаппаратом, раствором и зонтиком папа примчался к своей находке... и был поражен тем, что увидел: первокурсница Галя, о которой он уже и думать забыл, все так же, не меняя позы, стояла под проливным дождем.

Но еще больше она поразила его позже, когда в Ленинграде, в студенческой аудитории, папа горячо защищал свою версию неземного происхождения найденного черепа. Студенты и преподаватели спорили до хрипоты, а потом кто-то спросил молчаливую девушку:

– Галя, а ты на этот счет что думаешь?

– Я думаю, это череп ишака, – ответила мама. – Даже не думаю, а знаю. Я из Ташкента, я там их и раньше видела.

Папа вскричал:

– Что же вы раньше не сказали?!

А она ответила:

– Вы не спрашивали.

Вот тут он в нее и влюбился. Такая у нас семейная легенда...

Мы молча ели, пихаясь со Стасом под столом, а только что названный котенок Валька думал, что это мы с ним играем, и кусал нас обоих за ноги. Вдруг папа очнулся и, торопливо дожевывая яичницу, спросил:

– Стасик, ты не знаешь, где у нас зубило?

За инструменты у нас отвечает Стас, но от этого вопроса и он растерялся. Зубилом мы давно не пользовались.

– На балконе, в ящике с инструментами, – сказал он. И, подумав, добавил: – Наверное.

– Спасибо, Стас, – очень ласково поблагодарил папа, – я посмотрю. Нужно зубило, чтобы...

Папа замолчал и стал прихлебывать горячий чай. Мама как ни в чем не бывало продолжала гладить настоящего египетского моа, улегшегося у нее на коленях. А мы со Стасом переглянулись. Что-то явно затевалось.

Но до самого вечера все было тихо.

Мама собралась, погудела в прихожей пылесосом и ушла в музей – она там работает старшим научным сотрудником. Через полчаса, подточив зубило напильником, пошел на работу и папа. В тот же самый музей, где он, как и мама, старший научный сотрудник. Только мама специалист по Египту, а папа – по доисторическим временам и по старинному вооружению, от австралийских боевых бумерангов до алеутских панцирей из моржовой шкуры.

У меня почему-то были сомнения, на работу ли идет папа: если уж он снова занялся поисками пришельцев, то на мелочи отвлекаться не станет. Дождавшись, когда папа кончил пылесоситься и хлопнул дверью, я выскочил в лоджию. Мы живем совсем рядом с музеем, буквально через улицу, по диагонали от него. Но папа действительно шел на работу,

жизнерадостно помахивая портфелем. Пользуясь отсутствием прохожих (а откуда им взяться в полседьмого субботнего утра?), папа временами делал движения, напоминающие прием каратэ мавашигири. Получалось у него плохо. Папа теоретик, а не практик.

Когда за папой захлопнулась музейная дверь, я вернулся на кухню. Стас развалился на табуретке (как на ней можно развалиться – не знаю, это умеет только мой брат) и очищал бутерброд с кошачьим волосом от меда. То есть наоборот, бутерброд с медом от кошачьих волос.

– Как думаешь, папа что нашел, бластер или космический корабль? – задумчиво спросил Стас. Он был еще молод и не утратил оптимизма.

– Городскую канализацию, – грубо ответил я, потому что помнил прошлогодний папин конфуз, из-за которого во всем квартале не было воды и соседи смотрели на нас волками.

– Да-а, – протянул Стас и поскущел. – Что сегодня делать-то будем?

– Не знаю, – сказал я, пытаюсь сообразить, какие вообще бывают на свете дела.

– Может, пойдем по музею пошляемся, на Неменхотепа посмотрим? – предложил Стас.

Неменхотеп – это фараон, точнее – мумия фараона, которая лежит в саркофаге у мамы в египетском зале. И мы иногда ходим поглядеть на него. Все-таки интересно понимать, что перед тобой не кукла какая-то, а мертвый человек, кото-

рый был живым много-много веков назад. У него сморщенное злое лицо, а на руках – браслеты. Только сегодня поглазеть не получится, и я объяснил Стасу почему:

– Мама сказала, что ее зал к ремонту готовится и Неменхотепа в запасник унесли. Его к тому же еще и реставрировать будут.

– Как это, интересно, можно человека реставрировать?

– Он не человек, – ответил я, – он экспонат.

Стас удовлетворенно кивнул, откусил кусок бутерброда и стал разглядывать зулусский ассегай, висящий над кухонным столом. Потом лицо его оживилось, и он внимательно посмотрел на резное деревянное панно на противоположной стене. Кухня у нас длинная, и я сразу понял его идею – потренироваться в метании ассегая. Я торопливо сказал:

– Стас, сегодня же суббота! У Димки отец на дачу уезжает, компьютер свободный!

Стас перестал жевать, подумал и сказал:

– Ага, свободный. Димка сядет в «Цивилизацию» играть, и до самого вечера.

Димка – это наш сосед, он живет над нами, на втором этаже. У его отца есть старый айбиэмовский компьютер.

– А мы прямо сейчас к нему пойдем, – нажимал я, – и сядем вместе в «Варлордов» играть.

Слава Осирису¹⁰, удалось мне Стаса отвлечь от смерто-

¹⁰ Осирис – один из самых уважаемых др. египтянами богов. – Примеч. авторов.

убийственных планов. «Варлорд» – тоже воинственная штука, но она хоть на экране, и асеегаи над головой не летают. Мы со Стасом дружно натянули шорты и рубашки, потом пошли в прихожую, где у нас лежит всегда включенный в сеть пылесос «Шмель», и почистили друг друга от шерсти. Наглая рыжая кошка по кличке Собака дождалась отключения пылесоса и бросилась тереться о наши ноги. Но мы быстро выскочили за дверь.

– Надо еще один «Шмель» купить, – сказал Стас, давя на кнопку Димкиного звонка.

– Точно, – согласился я, – в два раза быстрее будем собираться. Только как родителей уговорить?

– Ерунда, – отмахнулся Стас, – проводок перережем, они решат, что пылесос сломался, и новый купят. А мы тут же старый починим.

– А если они его уже выкинут?

– Так они же нас выкидывать пошлют, а мы его припрячем.

Заспанный Димка открыл дверь, и мы нырнули навстречу приключениям.

«Варлорд» – это такая игра! Такая! Если вы в нее не играли, то и объяснять бесполезно. А вот если играли, то я вам коротенько расскажу: борьба шла на Иллурийской карте, против пяти варлордов, Димка играл за зеленых, Стас за красных, а я за оранжевых. У Димки было три помолвившихся визарда, у Стаса четыре дракона, причем два с силой де-

вать, а у меня только рыцарь, зато с луком Элдроса и малиновым знаменем. Все. Кто знает, тот поймет, почему мы и глазом моргнуть не успели, как оказалось, что день уже прошел. Да мы, наверное, и как ночь прошла не заметили бы, если бы не слышали, как на первом этаже хлопнула наша дверь.

– Папа с мамой вернулись, – сказал Стас, а минуту спустя, когда его драконы легли у стен моего города, предложил: – Пойдем домой, пожевать хочется.

Если дома кто-то есть, дверь у нас не запирается. Мы вошли молча, потому что все эмоции израсходовали за игрой. Наши шумели на кухне. Тихо так шумели, уютно. Родители разговаривали, постукивая посудой, а кошки нестройно мяукали, требуя ужин.

– Есть хочется, – повторил Стас. Я кивнул. И тут до нас донесся папин голос:

– И все-таки, Галина, давай поговорим, пока детей нет. Чтобы не лезли.

Мы со Стасом затаили дыхание.

– Давай, – ответила мама. – Только не говори мне, что нашел инопланетный корабль.

– Нашел, – убитым голосом отозвался папа. – Ты как узнала, Галь?

– Ты их все время находишь.

Мяуканье прекратилось – мама начала кормить кошек, и в наступившей тишине особенно отчетливо было слышно, с

какой виноватой интонацией папа рассказывает об очередном космическом корабле.

– Галь, помнишь, как мы с грузчиками вчера глыбу в запасник перетаскивали? Чтобы ремонту не мешала.

– Помню, конечно, – ответила мама.

– И что ты об этой глыбе знаешь?

– Все знаю. Ее нашли где-то возле сфинкса. По всей поверхности – иероглифы, но такие стерты, что реставрации не подлежат. Я сама писала заключение: «Научной ценности не представляет».

– Ага! – внезапно завопил папа. – Не представляет?! А как мы вдвоем могли ее передвинуть, ты не подумала? Каменную глыбу размером три на пять метров!

Мама молчала. Потом неуверенно спросила:

– А вы ее что, вдвоем перетаскивали?

Папа саркастически рассмеялся.

– Вот так-то! Ближе к народу надо быть!

– К грузчикам ближе? Ну, если ты настаиваешь... – покорно сказала мама. Мы со Стасом ухмыльнулись.

– Галина! Не остри! Не время. – Папа, похоже, был настроен сурово. – Я привык к твоему юмору. У меня иммунитет на твои выходки. Я даже не спорю, когда бедные ребята учат никому не нужный древнеегипетский...

– В жизни пригодится, – отрезала мама.

– Галина! – возмутился папа. – Ты же восточная женщина! Ты не должна пререкаться с мужем!

– Извини, дорогой, – как ни в чем не бывало ответила мама. Когда хочет, она ведет себя как восточная женщина, а когда хочет – как очень даже европейская. – Так что там с глыбой?

– Я отбил от нее кусок, – твердо сказал папа.

Наступила гробовая тишина. Потом мама сказала:

– Милый, только не волнуйся. Я приклею его на место, никто и не заметит.

– Не надо, я цемента маленько плеснул и приладил.

– Вандал! – охнула мама. – Ты же не реставратор! Ценна та глыба или нет, но ей уже пять тысяч лет! – От волнения она заговорила стихами.

– А под тонким слоем камня – отполированный металл, – парировал папа.

Снова стало тихо-тихо. Аж слышно, как кошки чавкают.

Я зажал себе рот руками, чтобы не заорать. Ай да папа!

А я не верил...

– Какой металл? – спросила мама испуганно.

– Неизвестный науке! – провозгласил папа. Правда, через секунду менее уверенно добавил: – Мне, во всяком случае, неизвестный. Голубовато-серый, очень твердый. Я зубилом царапал – никаких следов. Галя! Внутри глыбы, которой пять тысяч лет, – пустотелый металлический предмет. Точно! Это может быть лишь инопланетный космический корабль.

– Что будем делать? – очень тихо и послушно спросила

мама.

– Встанем рано, чтобы долго не спать, чтобы не терять время, – ответил папа. У меня глаза на лоб полезли. Впрочем... Раз уж папа нашел космический корабль, то вправе на радостях составлять и трехступенчатые фразы. У каждого лауреата Нобелевской премии должна быть своя маленькая странность, а то журналистам скучно будет.

– Обколем весь камень с корабля, – продолжал он тем временем. – Люк поищем, чтобы внутрь забраться, чтобы корабль осмотреть, чтобы первыми все узнать... Потом позовем журналистов и покажем. А то, если коллегам сказать, полмузея к открытию примажется. И твой начальник Ленинбаев – в первую очередь. – Папа скрипнул зубами.

– Он такой же мой, как и твой, – ледяным голосом сказала мама. – И не цепляйся к нему зря, он человек серьезный...

– Ну конечно, – язвительно согласился папа, – уж он-то космические корабли не ищет. Чтобы время зря не терять. – И закончил торжествующе: – И не находит!

Мама что-то примирительно ответила, но что – я не слышал, потому что мне в ухо возбужденно зашипел Стас:

– Пошли отсюда, пошли, – и поволок за рукав обратно на площадку.

– Ты что?! – возмутился я уже за дверью.

– Что, что! – передразнил Стас. – Слышал же, папа сказал, «чтобы не лезли». Они без нас туда пойдут!

– А мы попросимся, – неуверенно возразил я.

– Так тебя и взяли! – Он презрительно усмехнулся. – Нет уж, если сами не пойдем, последние корабль увидим. Или вообще не увидим.

И, не советуясь больше со мной, он позвонил в дверь, как будто мы только что подошли.

Если бы за ужином папа или мама хоть раз заикнулись о корабле, я бы, наверное, не согласился на авантюру брата. Но, как и утром, за столом царила напряженная тишина, прерываемая только цоканьем когтей Ирбиса, которые ему лень втягивать в подушечки на лапах.

Стас не жуя проглотил свою порцию сосисок с макаронами, залпом выпил чай и, пнув меня под столом, объявил:

– Мы спать пошли.

– Угу, – подтвердил я, давясь сосиской.

Мама взглянула подозрительно (обычно нас в постель загоняют со скандалом), но папа обрадованно поддержал:

– Точно, идите спать, чтобы выспаться.

– Мухер-хухер, ардажер, вдеп сьер-га сакжер-сакжер¹¹, – хором продекламировали мы традиционное вечернее прощанье, и мама, успокоившись, ответила как всегда:

– Минерап саг зел азет, ытар бас, ук мытар, Сет¹².

Проходя по коридору в нашу комнату, Стас мимоходом выудил из кармана маминого плаща связку ключей.

¹¹ Спокойной ночи, мама, ночь делает веки тяжелыми (возм., др.-егип.).

¹² Спите крепко, но и во сне не водите дружбы со слугами Сета (возм., др.-егип.).

Мы разделись, переложили кошек с кроватей на коврики, погасили свет и нырнули под одеяла. За стенкой папа с мамой принялись что-то оживленно обсуждать.

– Стас, – тихонько сказал я, – а за ключи нам влетит.

– Не влетит, – уверенно ответил он. – Через час вернемся и на место положим.

Не нравилась мне его затея, и я, устроившись поудобнее, закрыл глаза. Я надеялся, что, до того как затихнут родители, мы оба заснем.

Но не тут-то было. Я проснулся оттого, что Стас, светя в лицо фонариком, щекотал меня под мышкой:

– Вставай, карауц сонливый, пришельцев проспим.

Распахнув окно, я первым спрыгнул на землю, взял у Стаса фонарик и помог ему спуститься. Перебежав улицу, мы знакомой дорогой добрались до ворот музея и перелезли через ограду. Звения связкой, Стас принялся лихорадочно подбирать ключ к двери.

– Посвети, темно, – шепнул он. Направив луч на замочную скважину, я понял, что попадать в нее ключами Стасу мешает не столько темнота, сколько дрожь в руках. Я и сам чувствовал себя соучастником преступления.

Но вот щелкнул замок, дверь скрипнула, и мы, протиснувшись в темное фойе, на цыпочках побежали под лестницу – к запаснику. Тут проблем не было, дверь открылась сразу.

Первым, что попало в круг света моего фонарика, было злобное лицо Неменхотепа. Я вздрогнул, а Стас схватил ме-

ня за руку.

– Ни-никакой он не э-экспонат, – выдавил он, заикаясь.

Я вытер пот со лба и предложил:

– Может, домой пойдем?

Но Стас уже взял себя в руки.

– Ну уж нет, – решительно ответил он. – Первое слово дороже второго. – И двинулся мимо Неменхотепа к каменной глыбе.

Светя фонариком, мы обследовали ее и без труда нашли прилепанный папой осколок. Я легонько ковырнул ногтем, и осколок отпал. Плохой из папы штукатур.

В неровной дыре блеснул металл.

– Понял?! – забыв все страхи, вскрикнул Стас так, будто сам сделал и эту глыбу, и металлический предмет внутри нее. – Я же говорил! – и он любовно погладил голубовато-матовую поверхность.

И тут в ватной тишине запасника раздался хруст, глыба дрогнула и раскололась широкой вертикальной щелью. Мы отскочили в сторону, а щель становилась все шире, и камень, как скорлупа с яйца, осыпался с гладкой поверхности металлического предмета.

Что-то со стуком выпало из этой щели, но мы, зачарованные, не отрывая глаз смотрели на капсулу космического корабля, уже совершенно очистившуюся от каменной скорлупы.

Корабль имел форму приплюснутого шара и стоял перед

нами на боку, не падая, потому что его поддерживала широко открывшаяся крышка люка. А то, что капсула на боку, я понял, разглядев внутри два пилотских кресла.

Выйдя из оцепенения первым, Стас подскочил к кораблю, уперся в него руками и крикнул мне:

– Помоги поставить!

Но помогать не пришлось. С диким грохотом капсула рухнула днищем на пол, и облако музейной пыли за клубилось в свете фонарика.

– Ты что, – закричал я, – сторож проснется!

– Да ладно, – махнул он рукой и полез в корабль.

Я тоже решил подойти к нему, но запнулся и чуть не упал. Посветив под ноги, я увидел то, что выпало из корабля. Это была металлическая скульптура спящего сфинкса размером с большую собаку.

– Стас! – позвал я. – Посмотри!

Он высунулся и посмотрел на скульптуру без всякого интереса:

– Ты что, сфинксов не видел? Лезь сюда, тут такое!..

Я тоже забрался в корабль, и минут пять мы занимались тем, что, нажимая на разные кнопки и рычажки, играли в полет через Вселенную.

– Навигатор! – кричал Стас. – Приборы отказали! Посмотри в иллюминаторы, куда летим!

– Есть посмотреть в иллюминаторы! – ответил я, хотя никаких иллюминаторов в капсуле не было. И тут же решил

возмутиться, что Стас без всякого права узурпировал на корабле неограниченную капитанскую власть. Но вдруг в углу, у самого входа в запасник, раздался звук, похожий на сдавленный хрип.

Слегка струхнув, я посветил туда и увидел... Я увидел, как из своего саркофага медленно поднимается мумия Неменхотепа.

– Стас! – закричал я шепотом, чувствуя, как шевелятся волосы на голове.

– Это нам снится, – спокойно ответил Стас. – Точно-точно. – И укусил себя за запястье. После чего сказал: – Нет, не снится. – И заорал: – А-а-а!

Не сговариваясь, мы ухватились за внутренние рукоятки крышки капсулы и что есть силы потянули ее вниз. Без особого труда крышка захлопнулась, а затем раздалось короткое тихое гудение и щелчок. Я сразу понял, что это сработали автоматические запоры, делающие капсулу герметичной.

С полминуты в наступившей тишине слышался только нестройный стук наших зубов. Наконец я, собравшись с духом, спросил:

– Ты что видел?

– Мумию, – ответил Стас и тут же предположил с надеждой: – А может, показалось?

– Обоим одно и то же?

– А что, – подбадривая самого себя уверенным голосом, заявил он, – вот миражи, например, сразу многие видят...

– Может, выйдешь тогда? – коварно предложил я.

– Нет-нет-нет, – торопливо ответил Стас и, помолчав, спросил: – А что же делать?

Я тоже этого не знал. В темной капсуле было не очень-то весело, а главное – душно. И дышать становилось все труднее. Я понял, что часа через два мы просто задохнемся.

– Костя, а помнишь, как прошлым летом мы с папой в лесу заблудились?

– Ну? – сказал я, стараясь, чтобы голос не выдал паники, в которую я начинал впадать.

– Так я тогда два раза покойников видел. Стоят прямо как живые, руки тянут...

– Кончай пугать, дурак, и так страшно!

– Да я не пугаю, я наоборот. Подойдем к покойнику, а это – дерево... Может, нам все-таки померещилось?

– Показалось, – притворно согласился я, понимая, что внутри мы погибнем точно. – Давай вылазить.

Но сказать это оказалось намного легче, чем сделать: сколько мы ни давили в крышку, встав ногами на пульт управления, она не подалась ни на миллиметр.

– Надо какую-то кнопку нажать, – догадался Стас.

– Ты дави на крышку, а я буду нажимать, – сказал я ему, сполз на сиденье и принялся жать на все подряд, подсвечивая себе фонариком. А он светил уже очень слабо, потому что батарейка была старая.

Ничего не выходило. Я уже чуть не расплакался от стра-

ха и жалости к себе, когда в правом нижнем углу пульта фонарик высветил из темноты вкривь и вкось нацарапанную надпись над большой красной кнопкой: «ВЫХОД». Даже не успев удивиться, я надавил на эту кнопку, и в тот же миг неимоверная тяжесть вжала меня в спинку, а Стас и вовсе свалился в щель за креслом.

Пульт вспыхнул десятками разноцветных огоньков, и пронзительный визг резанул по ушам. Я успел увидеть, как прямо передо мной фосфором высветилось зеленое табло, а на нем быстро менялись красные четырехзначные числа. Еще я услышал, как Стас за спиной выкрикнул: «Ардажер!»

И я провалился во тьму.

Часть первая

Послезавтра

Глава первая,
*где мы понимаем, что произошло,
но потом выясняется, что мы
все поняли неправильно, а также
сталкиваемся с проблемами, о
которых космонавты не говорят*

«Интересно, – подумал я, прежде чем открыть глаза, – обо что это я так треснулся?» В голове у меня все кружилось и звенело, а руки и ноги не слушались совершенно. Может, это крышка люка с такой силой откинулась? Не зря же дышать легко стало. И свет, кстати, появился.

Первое, что я увидел, был Стас. Он стоял на спинке кресла на одной ноге. Гимнаст!.. Тем более что космический корабль перевернулся и кресла были на потолке!

Я помотал головой, пытаюсь привести мысли в порядок. И догадался: корабль перевернулся, а Стас зацепился за спинку и болтается вниз головой.

– Стас! – заорал я.

Брат пошевелился, вскинул голову и спросил:

– Ты чего на потолке делаешь?

– Это ты на потолке! – попытался я объяснить и встал.

То есть хотел встать, а вместо этого перекувыркнулся. Ощущение было таким, словно я падаю, но почему-то остаюсь на месте. Рядом с моими растопыренными руками проплыл рифленый потолок космического корабля.

– Ух ты! – сказал Стас, схватился за подлокотники кресла и стал очень плавно в него садиться. – Костя, ты только не падай мне на голову...

И тут я все понял.

– Не упаду, – обреченно сказал я. – Мы в невесомости, Стас.

Между нами, медленно вращаясь, проплыл потухший фонарик. Мягко стукнулся о пульт и поплыл обратно. Стас проводил его взглядом и спросил:

– А почему мы в невесомости?

– Курдеп плешивый! – заорал я. – Мы в космос вылетели! Понимаешь? Телевизор надо смотреть!

– А! – обрадованно воскликнул Стас. – А я-то уж думал...

Что он думал, я так и не понял, потому что Стас привстал с кресла, взлетел, ударил меня головой в живот и промчался дальше. Я налетел на потолок, потом рикошетом на стенку. А еще через мгновение очень крепко держался за кресло, откуда стартовал Стас. Он в это время дрейфовал под потол-

ком, держась за голову. Потом обиженно сказал:

– Я думал, в невесомости стукаться не больно...

Торопливо оглядевшись, я вытащил из-под кресла ремень безопасности. Он болтался во все стороны, как сонный удав, но я все же ухитрился намотать его на руку. Потом легонько оттолкнулся от кресла и повис в воздухе.

– Стас, хватайся за ногу!

– У тебя кроссовки грязные, – буркнул Стас, но все же ухватился. Я стал подтягивать нас к моему креслу.

Через минуту мы сидели в нем, пристегнувшись и тесно прижавшись друг к другу.

– Что будем делать? – поинтересовался Стас.

Я промолчал. Опыта пилотирования космических кораблей у меня не было, разве что в компьютерной игре «Гиперспейс»... Тут у меня возникла жуткая мысль:

– Стас, ты думаешь, мы просто на орбиту вышли или прыгнули через гиперпространство?

– Через нуль-пространство, – поправил меня Стас, он был поклонником Стругацких. Потом задумался. А я, как идиот, ожидал его решения.

– Через нуль-пространство, – твердо сказал Стас. – На планету инопланетян.

– Почему? – с ужасом спросил я.

– Так интереснее, – объяснил Стас.

Тут началась миниатюрная психбольница, с двумя пациентами, но без врачей. Я начал уговаривать Стаса изменить

решение, потому что... потому что просто выйти на орбиту Земли тоже интересно. Как будто Стаськино мнение чего-то меняло!

– Представляешь, – с жаром говорил я, таращась на пульт, – нас всей планетой спасать будут!

– Да? – неуверенно спросил Стас.

– Конечно! Американцы «Шаттл» запустят, а мы «Буран»!

– «Буран» Казахстан национализировал, – резонно ответил Стас. Телевизор он все-таки смотрел.

– Значит, и казахи спасать будут! – уверил я. – Американцы на «Шаттле», русские на «Союзе», а казахи на «Буране».

Стас помрачнел и сказал, что не хочет быть спасенным такой ценой. За спасательные работы придется столько заплатить, что вся папина Нобелевская премия уйдет. А он компьютер хочет.

– Да мы же теперь герои, а значит, ни за что не платим! Если американцы нас спасут, то в Диснейленд свозят!

Стас заколебался, но снова помрачнел:

– А если наши, то в парк имени Горького? Чего я там не видел! Не, мы не в Солнечной системе.

И тут мы оба опомнились. Разом. Стас помолчал и начал всхлипывать. А я разозлился – я всегда злюсь, когда Стас ревет. В конце концов, может, мы и не в космосе? Может, это внутри корабля антигравитация включилась, а он так и стоит в музее? Я стал разглядывать пульт, где возле кнопок

были дурацкие иероглифы, а потом заметил, что они разделены на группы. И возле каждой группы – маленький схематический рисуночек. Наверное, объясняет, что эти кнопки делают. Около предательской красной кнопки был совершенно непонятный знак вроде пружинки со стрелочками на концах. А рядом, над несколькими кнопками, был нарисован самый обыкновенный глаз.

«Гуманоиды», – с радостью подумал я. И нажал на одну из этих кнопок.

– Балда! – испуганно завопил Стас.

В нескольких местах корпус корабля стал таять. И в образовавшиеся дырки был виден самый настоящий черный космос с очень яркими и разноцветными звездами. Я понял, что действительно дурак. Но воздух почему-то не выходил.

– Это иллюминаторы, – прекращая реветь, сказал Стас. – Здорово...

Он ужом выскользнул из-под ремня и ухватился за второе кресло. Устроился в нем поудобнее и сказал:

– Мы в глубоком космосе. Планет не видно.

– А у меня есть одна, – похвастался я, заглядывая в иллюминатор со своей стороны.

– Какая? На Землю похожа?

– Нет, – критически сказал я, разглядывая краешек планеты. – На Луну похожа, только куда больше и серая. Атмосферы нет.

Стас вернулся ко мне, и мы стали разглядывать чужую

планету. Она вся была в кратерах и казалась необитаемой. Садиться на нее не хотелось.

– Не упадем? – деловито поинтересовался Стас.

– Сет его знает, – ответил я. – Может, тут еще где-то планета есть? Надо во все иллюминаторы посмотреть.

– А как до них добраться? Невесомость. Я не полезу.

Я стал прикидывать расстояние до других иллюминаторов. А Стас помолчал и задумчиво произнес:

– Невесомость... А как, интересно, космонавты в невесомости ходят в туалет?

– Эй, ты не вздумай! – заорал я. – Потерпеть немножко не можешь!

– Немножко могу, – угрожающе сказал Стас. И принялся изучать пульт.

Я вслушался в ощущения собственного организма и с тревогой сказал:

– Должен же быть способ. Помнишь, мы читали книжку, не то «Трое с Мочамбы», не то «Три Мамбы»?

– Ну?

– Там двое пацанов и девчонка попали в космос и несколько суток летели. Они что делали?

– Ничего, – угрюмо сказал Стас. – Я еще удивился. Терпели, наверное.

– Значит, и мы потерпим, – твердо сказал я. – Пока сможем.

– На несколько суток не рассчитывай, – огрызнулся Стас.

Мы помолчали. Я почувствовал, как укрепила наше братство общая проблема, и обнял Стаса за плечи.

– Двигатели надо включить, – сказал Стас. – Прыгать к Земле и высаживаться. Или искать местных жителей.

– Знать бы, где здесь жители, – сказал я, оглядывая пульт. – Вот если я эту кнопку нажму...

– Не надо.

Мы замолчали. Нет, плохая все-таки работа быть космонавтом. Любая мелочь превращается в проблему. Как же они все-таки...

– Ты у нас фантастику любишь, – сказал Стас. – Ворочай мозгами. Вспоминай.

– Ты тоже любишь, – ответил я.

– Я Стругацких люблю, а это не фантастика, а литература, – папиной фразой ответил Стас.

– Может, как раз в литературе наши проблемы и описаны... – не выдержал я.

– Не говори этого слова! – быстро сказал Стас. – Лучше вспомни, где обычно инопланетяне рации устанавливают.

– В скафандрах.

– А еще?

– Они телепаты.

– Тогда как из таких ситуаций выпутываются?

– Так! – заорал я и ткнул обеими руками по кнопкам.

Нас слегка тряхнуло, под потолком загорелись желтые лампочки, а звезды в иллюминаторах затянуло голубой дым-

кой.

– Это мы силовое поле включили, – сообразил Стас. – Хорошо, теперь нас метеориты не продырявят. Дай-ка я попробую...

Возможно, мы бы куда-нибудь и прилетели таким образом. Или взорвались бы, не знаю. Но Стас уставился через мое плечо в иллюминатор и начисто забыл о своих экспериментаторских настроениях.

Я тоже посмотрел в иллюминатор. К нам приближался самый настоящий инопланетный корабль.

Больше всего он напоминал имперский крейсер из «Звездных войн». Весь угловатый, блестящий, большой, как стадион, и ошетиленный пушками. В разных местах на корабле мигали разноцветные огоньки. Потом корабль остановился, и несколько пушек стали разворачиваться в нашу сторону.

– Это очень агрессивная цивилизация, – с тревогой сказал Стас. – Костя, если нас захватят, мы не должны выдавать расположения Земли. А то они всех сошлют на урановые рудники.

– Ты что, знаешь, где Земля находится? – спросил я.

– Знаю. Возле Солнца, чуть ниже Марса.

Из одной «пушки» вырвался яркий белый луч. Ударил прямо в нас – и, отразившись от голубой дымки защитного поля, исчез в космосе.

– Ура! – завопил Стас. – Нас голыми руками не возьмешь!

На пульте замигали разноцветные огоньки. Я подумал и нажал наугад какую-то кнопку. Ничего не произошло.

– Торпедировать их надо, – забормотал Стас, склонившись над пультом. – Пока дезинтеграторы не включили...

«Крыша едет», – подумал я.

Из вражеского корабля, явно озадаченного нашим сопротивлением, вырвался еще один луч.

– Съели?! – злорадно засмеялся Стас.

Но голубая дымка вокруг нашей капсулы погасла. Как будто батарейки кончились.

– Съели, – подтвердил я. – Стас... Ты извини, что мы ругались.

Стас шмыгнул носом. Виновато сказал:

– Ты тоже извини, Костя. На прошлой неделе я тебе в сочинение лишних запятых наставил...

– Каких лишних? Я же четверку получил, потому что трех запятых не хватало...

Но разобраться с запятыми мы так и не успели. В борту вражеского корабля открылся огромных размеров люк. И нашу скорлупку потащило внутрь инопланетного крейсера. Именно потащило, потому что нас со Стасом прижало к спинке кресла. «Искусственная гравитация», – догадался я.

– Пытать будут, – сказал Стас.

Огромное, ярко освещенное пространство – внутренности крейсера, где мы оказались, – на мгновение мелькнуло в иллюминаторах. Затем они потемнели, словно их окатили

из ведра густой черной краской.

– Ослепили, – печально сказал Стас. – Теперь уже недолго...

Словно в подтверждение его слов стены нашего кораблика задрожали. По линии закрытого люка пробежал тонкий лучик света.

– Лазером, что ли, вырезают? – с неуместным любопытством спросил меня Стас. – Как ты думаешь?

– Не знаю, – пробормотал я, не отрывая глаз от люка. – Какая, на фиг, разница?

– Лазером, – однозначно решил Стас. – Как в фильме «Чужие».

И зачем только Стас вспомнил про этот фильм! Я пихнул его, но было уже поздно. Мы оба замолчали, старательно пытаясь не вспоминать тех жутких инопланетян и то, что они обычно с людьми делали.

И в этот момент... в люк постучали!

– Заходите, – машинально пискнул Стас и зажал рот руками. А люк, вырезанный из петель, с грохотом вывалился наружу. Мы закрыли глаза и попытались спрятаться друг за друга, не вылезая из кресла.

Совсем рядом раздались шаги. Я чуть-чуть приоткрыл один глаз и увидел что-то высокое, желтое, маслянисто блестящее, обросшее поверху зелено-белым мхом. Почти так же страшно, как если бы вошел Чужой...

– Братки! – жизнерадостно сказал вошедший. – С чув-

ством глубокого удовлетворения встречаем мы вас! От имени всей шараги...

Мы со Стасом вылупив глаза смотрели на говорившего. Это был высокий крепкий мужчина лет сорока в желтом комбинезоне. С пояса у него свисали пара жутко выглядывших пистолетов и широченный нож. На лице играла радостная полуулыбка, с трудом пробивающаяся сквозь толщу коротенькой, но густой бороды. И борода, и пучки сохранившихся на голове волос были смешанного зелено-белого цвета. Словно бы от рождения были зеленые, а нынче поседели.

– ...и уполномочены заявить, – проникновенным баритоном продолжал мужчина, – что мы рады приветствовать вас у нас. Ух, как я припарился переводить торжественную речь для нашего командующего!

Последнюю фразу полужелтый произнес все тем же торжественным тоном. И до меня дошло – он заученно повторяет переведенный кем-то текст, не зная самого языка.

– А вы по-русски говорите? – осторожно спросил я.

Мужчина протянул руку, потрепал меня по щеке и торжественно произнес:

– Не волнуйся, крошка, сейчас придет дядя-переводчик, все скажет.

– Они что, по штатовским боевикам русский учили? – слабым голосом произнес Стас. Заерзал, слезая с моих коленок, и с воскресшим оптимизмом добавил: – Они гуманоиды, а это дает нам шансы. Зеленые волосы не беда, мы не расисты.

Видимо, в них хлорофилл...

– А в оранжевых – апельсиновый сок? – поинтересовался я, глядя на еще одного входящего. Стас поперхнулся. Новый инопланетянин действительно имел волосы ярко-оранжевого цвета, перетянутые над глазами узким белым бинтиком. Сам он был молод, костляв и носил очки вполне земного вида. Этим привычные человеческие черты исчерпывались. Из непривычных были: очень большие и оттопыренные уши, шишки на висках и перепонки между пальцами рук, как у лягушки.

– Это два вида гуманоидов, – уверенно объяснил Стас, – первый питается за счет фотосинтеза, а второй с болотистой планеты, где воздух разрежен и звук распространяется плохо.

Я настолько был поражен эрудицией брата, что не нашелся, чем достойно ответить. Наверное, у него от волнения произошел интеллектуальный всплеск, но с каким-то странным завихрением... Паузу нарушил оранжевоголовый.

– Не, чувак, ты гонишь, – с непередаваемой интонацией произнес он. – Какой я тебе гуманоид с болотистой планеты? У тебя башка белая, а у него, – в мою сторону вытянулись сразу два перепончатых пальца, – темная. Но вы оба люди, и я – тоже.

Мы уже ничему не удивлялись. Лишь для порядка Стас огрызнулся:

– А для чего у вас перепонки на пальцах?

– Чего? А... – Оранжевоголовый гордо оглядел руку. – Я плавать люблю. В большой ванне. Вот и вырастил прошлым летом.

Мы потихоньку начали расслабляться. Ни пытаться, ни убивать нас никто не собирался. По крайней мере пока. Увешанный оружием зелено-белый кротко улыбался, наблюдая за разговором. Потом сказал что-то непонятное. Молодой оранжевоголовый так же непонятно ответил.

– Это не английский и не русский, – сказал Стас.

– И даже не древнеегипетский, – подтвердил я.

Между тем наши собеседники окончили короткое совещание, и оранжевоголовый откашлялся.

– Давайте знакомиться, детишки, – сладким голосом сказал он. – Я дядя Смолянин, младший майор космофлота Земли, переводчик.

– Земли? – ахнули мы с братом.

– А он, – Смолянин сделал жест в сторону зелено-белого, – генерал-сержант Кубатай, командующий космофлотом, лицо особо важное.

Выдержав короткую паузу, он добавил:

– На вид он – хитрый перец. Но душа у него добрая, ребяташки.

– Где мы? – требовательно прервал его Стас.

– На окололунной орбите, – успокаивающе ответил Смолянин.

– Ура, – неуверенно сказал Стас и прошипел в мою сто-

рону: «На Луну не похоже...» – Ура. А мы-то думали, что улетели в другую звездную систему.

– Не, вы провалились в будущее, в две тысячи пятьсот тридцатый год. Все в порядке.

Потребовалось секунд пять, чтобы улыбка облегчения сползла с наших лиц. Стас, пораженный крахом своих гипотез, притих. А я спросил:

– Так это... то, в чем мы были... это не космический корабль инопланетян?

– Нет, – слегка сочувственно ответил Смолянин. – Это ихняя машина времени. Или не ихняя.

...Как рассказал генерал-сержант Кубатай (сам он по-русски больше говорить не пытался, его переводил Смолянин), встретить нас со Стасом было делом всей его жизни. Вообще-то не нас, как уточнил Кубатай, а машину времени, в которой мы прилетели. И лишь попутно – спасти нас и доставить на Землю.

Мне это уточнение не понравилось. Но Кубатай нашего мнения не спросил, а, нахмурившись, посмотрел в пространство и тоскливо добавил:

– Теперь судьба хронопатрульной службы под вопросом... Мы со Стасом не особенно много поняли. Но переспрашивать не решились.

Снаружи, за открытым люком нашей машины времени, мелькали какие-то люди в желтой форме и беретах на раз-

ноцветных волосах. С волосами здесь явно не церемонились и перекрашивали их в любые цвета. Может быть даже, их попросту красили под цвет рубашки. Во всяком случае, у Смолянина из-под комбинезона выглядывала оранжевая футболка.

Кубатай предложил нам всем пройти в рубку крейсера «из этого злополучного хроноскафа». Честно говоря, выходить нам было страшновато. Все-таки мы с этим самым «хроноскафом» много чего вместе испытали. Но была одна веская причина не отказываться. Стас не выдержал и спросил:

– Смолянин, а у вас на корабле туалет есть?

Наш переводчик наморщил лоб, явно вспоминая слово, и кивнул:

– Конечно, корешок.

И действительно, тут у них все оказалось в порядке. Но это все-таки неприлично, и не буду описывать... Тьфу, опять это слово! В общем, все было в порядке. Между делом я раздумывал о том, что сказал по дороге Смолянин: оказывается, на Земле никаких стран уже давно нет, язык у всех – всеземной, и экипаж в корабле – интернациональный. Здорово...

Но толком обдумать это светлое будущее человечества я не смог, потому что в дверь туалета заскреблись, потом приоткрыли ее, и Смолянин нетерпеливо крикнул в проем:

– Эй, малолетки! Шевелитесь чуть-чуть! Из-за вас торжественную церемонию задерживают! Вся шобла ждет! Освободьте толчки!

– И он у них – лучший переводчик?! – возмущался Стас, выскакивая из своей кабинки как ошпаренный. – Он что, в зоне языку учился?

– Он, наверное, про свою узкую область, русский язык, прочел все, что смог, – предположил я. – И учил по всем словарям, включая блатной, и по видюшным фильмам, и по книжкам дурацким...

Но когда мы увидели «торжественную церемонию», всякая охота обсуждать проблемы языковедения у нас исчезла.

Вместе с экипажем мы выстроились возле огромного экрана-иллюминатора, в который во всей своей красе была видна удаляющаяся капсула нашего хроноскофа. А еще был виден ствол пушки, торчащий из-под иллюминатора.

Генерал-сержант Кубатай коротко скомандовал, и один из членов экипажа рванул какой-то рычаг. Ствол пушки дернулся, пол под нашими ногами дрогнул, и на месте хроноскофа образовался яркий огненный шар. Через мгновение он погас, и экипаж сорвал с голов желтые береты. Некоторые всплакнули.

– А как же мы теперь?.. – начал Стас. Но я оборвал его:

– Молчи. Может, наш хроноскоф – одноразовый? Может, у них таких – тысяча?

– А если нет?

– Ну, тогда... Тогда... – Я не знал, что сказать. – Тогда этот все равно уже не вернешь...

И мы растерянно переглянулись.

Глава вторая, *в которой все веселятся по секрету, а Стас объявляет себя холостяком*

Я не раз замечал, что комфорт – штука странная. Каждый его понимает по-своему. Когда мы на шлюпке отчалили к Земле, то, вместо того чтобы любоваться полетом, я, Стас и Смолянин впали в гипнотический сон. Пилотировать шлюпку вызвался Кубатай, так как лично должен был отчитаться на Земле за проделанную операцию. Он и объяснил нам через Смолянина, что теперь всякое нудное ожидание – в дороге, в очереди или когда просто нечего делать – люди проводят в гипносе. И в нем совсем не старятся.

– Очень клево, – с энтузиазмом сообщил нам Смолянин, поправляя очки, которыми страшно гордился, будучи единственным очкариком в мире. – Приходишь, например, к другу, а его дома нету. Входишь в гостиную, и автоматически включается генератор гипносна. Просыпаешься, когда друг уже вернулся домой. Вот только плохо, если его несколько дней нет. Гостей много скапливается.

Мне это удобство не понравилось, и я сказал, устраиваясь на откидной полке:

– Я бы, перед тем как в гости пойти, сначала по телефону позвонил.

– По видеofону, – поправил меня Смолянин и продолжил сокрушенно: – Не, не катит, у всех автоответчики есть. Звонишь – а тебе говорят: заходи, дорогой.

– Ну я бы сразу определил, что это автомат, – сказал я.

– А как? – удивился Смолянин. – Они же так врут, что не подкопаешься...

Стас, оказавшийся на полке надо мной, прямо как дома, свесился с нее, ехидно покрутил пальцем у виска и хотел мне что-то сказать, но так, свесившись, и заснул. Через миг отключился и я.

А когда проснулся, Стас ворочался на полу: он, балбес, не пристегнулся. Так ему и надо, нечего обзывать, даже жестами.

Я-то думал, что мы выйдем на огромном космодроме, но шлюпка оказалась почему-то не на открытом воздухе, а в застекленном ангаре, похожем на большой парник. Сходство усиливалось тем, что пол устилала зеленая травка, а не какой-нибудь заурядный бетон.

Мы вышли, разминая затекшие руки и ноги. Стас потирал огромную шишку на голове, и Смолянин, поправляя свой бинтик, понимающе ему улыбнулся. Но тут Кубатай значительным тоном что-то произнес, и младший майор начал переводить:

– Добро пожаловать на Землю, корешки. Вы находитесь на территории специального космопорта Департамента Защиты Реальности. К сожалению, пока вам не разрешено сво-

бодное передвижение по планете. Кроме того, никто не должен знать, кто вы и откуда.

– Будущее называется, – проворчал Стас, – тюрьма какая-то, а не будущее.

Внезапно из отверстия в стене слева от нас выпрыгнуло что-то сверкающее и поскакало к нам. Сделав последний прыжок, нечто размером с легковой автомобиль шлепнулось в паре шагов от нас. Это и был автомобиль – только не на колесах, а на двух суставчатых лягушачьих лапах.

– Ква-ква, – шутя поздоровался Стас, чтобы скрыть испуг.

– Ква-ква! – широко улыбаясь, ответил розовощекий уса-тый мужчина в полосатом комбинезоне, выглядывая из прыгохода. Видно, он решил, что так на русском звучит приветствие.

Я тихонько пихнул Стаса и шепнул:

– Теперь со всеми так здоровайся, понял?

– У них что, чувства юмора нет?

– Есть или нет, потом разберемся, а пока...

Закончить я не успел, потому что розовощекий что-то быстро затараторил. Смолянин дождался паузы и перевел:

– Специальный инспектор Департамента Защиты Реальности Кейсеролл. Приветствую вас и балдею от встречи с представителями древней цивилизации. Уполномочен сделать официальное приглашение на сабантуйчик в вашу честь. Миру – мир. Все в кайф.

Кейсеролл жестом позвал нас в урчащий прыгоход. Вход-

ное отверстие за нами затянулось блестящей пленкой, и такая же пленка вмиг отделила нас от кресла водителя, в котором устроился Кейсеролл. И вновь мы неожиданно впали в проклятый гипносон.

Выбравшись из прыгохода, мы опять оказались в сверкающем ангаре, но гораздо меньшего размера. Кейсеролл провел нас довольно унылым тоннелем, и через минуту мы вошли в просторный вестибюль с ковром на полу, безвкусными люстрами под потолком и портретами на стенах. Я с удивлением узнал тех, кто был изображен на ближайших: Эйнштейн, Наполеон, Пол Маккартни и Ленин. Смолянин перевел гордо сказанную Кейсероллом фразу:

– Тут, ребяташки, все адаптировано под ваше столетие.

Мы подошли к высоким дверям, и они распахнулись.

Огромный зал был полон людей все в тех же желтых комбинезонах. Люди сидели за длинным-предлинным столом. Мы шагнули в зал. Гул возбужденных голосов смолк. Кто-то коротко скомандовал, все вскочили с мест, вытянулись в струнку и хором прокричали:

– Ква-ква!

– Ква-ква, – приветливо махнул рукой Стас, а мне вполголоса бросил: – Работает разведка.

Я тоже смущенно квакнул, и нас, как виновников торжества, усадили во главе стола. Смолянин, Кубатай и Кейсеролл устроились рядом. Пахло очень вкусно, и только тут я понял, как проголодался.

Все сели, но никто не прикасался к еде. Стоять остался только абсолютно лысый, пожилой, но крепкий и атлетически сложенный человек на другом конце стола. Одет он был в такой же, как у остальных, желтый комбинезон, но весь усыпанный разноцветными нашивками и кисточками.

– Это Ережеп, генеральный директор Департамента, – шепнул Смолянин доверительно, – он тут самый крутой.

Ережеп откашлялся и гнусаво затянул долгую торжественную речь. Я огляделся. Слава Осирису, наши далекие потомки были почти нормальными людьми. Никаких следов вырождения и радиоактивных мутаций я не заметил. Все смуглые и скуластые. Кое-кто был выбрит наголо, но большинство носили коротенькие аккуратные прически. Доминировал розоватый цвет волос, довольно часто встречались зеленый и синий, а у одного, выглядевшего особо молодо, волосы были клоками выкрашены в разные цвета. Парень беззастенчиво тарасился на нас, в то время как остальные лишь изредка с любопытством косились, глядя в основном на генерального директора.

Смолянин начал переводить:

– Секите, чуваки, кто перед нами! Славные путешественники во времени, легендарные аргонавты. Они же по нашим законам являются и величайшими преступниками. Но все мы врубаемся, что там, откуда они прибыли, законов этих не было. Это приколы.

Гости заулыбались и закивали головами.

– Факт их присутствия здесь стал отмазкой тех огромных затрат, которые делались народом Земли на содержание славного флота хронопатрульной службы. А ведь нередко раздавались в наших рядах голоса разных козлов, которые уверяли, что хронопатрульная служба – бессмысленное расточительство, что семьдесят процентов – это еще не повод. Тем больший героизм проявили те сотни клевых парней, которые взялись за выполнение этой неблагодарной миссии.

От этого перевода я немного ошалел.

– Сегодня мы наглядно удостоверились: их героизм и труд не пропали даром. Но сколько классных бойцов космофлота не дожили до этого дня?.. Будем же благодарны судьбе и возрадуемся – и за себя, и за всех, кто уже не может этого сделать. Особо хочу отметить то, что если и раньше наш труд был круто засекречен, то все, что касается нынешних событий, имеет категорию тайны всемирной крутизны...

Гости понимающе закивали, сохраняя суровые выражения лиц.

– И еще, – продолжил Ережеп. – Уверен, и те служащие Департамента Защиты Реальности, которые сегодня несут тяжелую, но почетную вахту на других наших фронтах, например исследуя и охраняя известный вам остров, так же, как и хронопатруль сегодня, рано или поздно будут праздновать свою славную победу. Я закончил. Поприветствуем наших клевых гостей!

Зал взорвался криками, топотом, хлопками и свистом.

Прямо как на рок-концерте. Мы подскочили от неожиданности, но Смолянин успокоил нас одним словом:

– Тащатся.

Председательствующий Ережеп еще что-то коротко произнес и уселся на место. Смолянин перевел:

– Ответную речь сказать не запаadlo будет?

Мы переглянулись. Гости в ожидании молчали.

– Давай, Стас, – тихо сказал я, потому что чувствовал: сам под пристальными взглядами сотен глаз вряд ли смогу выдать из себя и пару слов.

Стас резво вскочил. Откашлялся. Потом почесал в затылке. Затем шмыгнул носом и вытер его. Наконец сказал хрипло и пискляво:

– Ну, это. Ква-ква, короче.

Смолянин перевел, гости опять бурно зааплодировали и засвистели. Стас начал было присаживаться, но вновь наступила тишина, и на него снова уставились в ожидании. Стас осмелел, но, кажется, забыл, что мы не у инопланетян.

– От имени всех людей Земли, – начал он, но я шепнул: «Стас, мы на Земле!» – и он поправился:

– Точнее, от всех людей двадцатого века всем привет. Мы тут с братом посовещались, – я удивленно глянул на него, – и вот что решили. Давайте поедим сначала, а потом уж поговорим.

Присутствующие обескураженно молчали, но Ережеп махнул рукой, грянула незнакомая торжественная музыка, и

в распахнувшиеся боковые двери в зал, ни на что не опираясь, всплыли круглые плоские платформочки с тремя гибкими тонкими руками-манипуляторами на невысоком штыре посередине.

Я понял, что это – механические официанты. Стас, красный от волнения, сел и отер со лба пот.

– Как я, а? – гордо спросил он.

– Нормально, – ответил я, хоть и не был уверен, что его речь была достаточно весомой для такого случая. Сидевший рядом с нами Кейсеролл тем временем поглядел на часы, схватился за голову и выбежал из зала. «Очень занятой мужик», – шепнул мне Смолянин.

А платформы-официанты двинулись вдоль стола, раскладывая пищу. Ароматы усилились.

– Антигравитация? – важно спросил Стас у Смолянина, кивнув на платформы.

– Да, – подтвердил Смолянин, – антигравитация – привилегия Департамента.

– Почему? – удивился я.

– Антигравитация и движение во времени – явления одной природы, для обычных людей все это насмерть засекречено.

– Почему? – повторил я.

– Мне этого вам нельзя рассказывать. А лапшу на уши вешать не хочется. Пускай другие объясняют.

Вокруг уже ели, только к нам платформы все не подъез-

жали. Стас потянулся было к какому-то блюду, но я заметил, что никто тут ничего не берет со стола сам, и шикнул на него, хоть у меня тоже текли слюнки:

– Ып-сарап, карауц нямьек. Ук юртак¹³.

Смолянин удивленно покосился на меня: таких слов в русском языке он не знал.

И тут мы поняли, в чем дело. Люди будущего решили обслуживать нас сообразно традициям нашего времени. Как они их себе представляли. С подносами в руках в зал вошли два официанта. Но что это официанты, я понял не сразу. Одеты они были в черные фраки, ермолки и лапти, а на ремнях у них почему-то болтались огромные сабельные ножны. Приплясывая под музыку, они поравнялись с нами и, поклонившись с деревянными улыбками на лицах, положили на наши тарелки еду. Я не верил своим глазам. Передо мной лежали серые, слипшиеся, такие до боли знакомые столовские пельмени. А на удивительной красоты резной подставке рядом – консервная банка с неаппетитной бурой массой. У меня челюсть отпала, когда я прочел надпись на этикетке (на русском!!!): «Кильки в томатном соусе. Рыбзавод ГКО «Волгорыбхоз», пос. Завгородний Волгоградской области».

– Ненавижу, – простонал Стас. В этот миг Кубатай заговорил с нескрываемой гордостью в голосе (я специально больше не употребляю идиотских словечек Смолянина, потому что мне это надоело):

¹³ Сядь на место, карауц голодный. Не дома (возм., др.-егип.).

– Сюрприз! То, что вам подали, стоит в десятки раз больше всего остального на этом столе. Более ста лет назад в вечной мерзлоте Таймыра были обнаружены останки древней экспедиции. Специалисты установили, что запасы провианта, пролежавшие там почти пятьсот лет, вполне пригодны к употреблению. Все последующие годы находка в холодильной камере ожидала прибытия предсказанных гостей из прошлого. И вот привычная вам пища дождалась встречи со своими современниками. Любой из присутствующих здесь отдаст полжизни за право отведать эти блюда.

– Так это... – замялся Стас, – пусть отведают. Я вообще что-то есть не хочу.

– И я, – согласился я, отодвигая неаппетитную тарелку.

Сидящие возле нас обменялись недоуменными взглядами. Но я придумал, как выйти из неудобного положения, и попросил Смолянина перевести.

– По русской традиции нашего времени мы предлагаем откусывать «пельмень мира».

С этими словами я взял на вилку серый комочек, надкусил отдающее бумагой тесто, положил вилку в тарелку и передал ее Смолянину. Стас, приснув, сделал то же и отдал свою тарелку Кубатаю. И тарелки поплыли по столу. Каждый из гостей откусывал понемножку, блаженно закатывал глаза, причмокивал и, передавая блюдо соседу, что-то приговаривал. (Смолянин перевел: «Ништяк».)

Под шумок я отправил по кругу и банку с килькой. А дерз-

кий Стас, воспользовавшись тем, что я отвлекся, стянул-таки с ближнего блюда ароматную, светящуюся голубым колбаску на тонкой палочке и вцепился в нее зубами. Колбаска хихикнула, и Стас, поперхнувшись, закашлялся.

Чтобы спасти брата, я что есть силы хлопнул его по спине. Кашлять Стас перестал, но я заметил, что все прекратили есть и с любопытством смотрят на нас. Я покраснел от стыда: они, видно, решили, что я Стаса бью. А тот, балбес, отомстил мне самым коварным образом. Невинно улыбаясь, он указал присутствующим на меня пальцем и пояснил:

– Старший. – После чего раболепно сложил ладони и поклонился мне. Услышав перевод, гости принялись возбужденно обсуждать происшедшее.

– Между прочим, вкусно, – сказал Стас и как ни в чем не бывало принялся доедать хихикающую колбаску. Та веселилась все тише и тише, пока не исчезла окончательно.

– Ну, держись, курдеп, – пообещал я, – воспользуюсь я своим правом старшего.

– Давай-давай, – ухмыльнулся Стас, – ты еще не знаешь, какие права я для младших придумал.

Его голубая колбаска пахла так аппетитно, а хихикала так весело, что я решил тоже плюнуть на условности. Взяв такую же, только розовую, я принялся за еду. Вкусно было необычайно. Что-то вроде клубничного мороженого и копченой колбасы. Нет, ерунда получается; этот вкус не опишешь. Моя колбаска хохотала более заливисто, я бы даже сказал, вз-

хлеб.

Председательствующий поднялся и вновь произнес небольшую речь, в которой сообщал, что решением Совета Департамента, несмотря на наше прибытие, хронопатрульная служба расформирована не будет, а продолжит выполнение своих функций. Ведь, кто знает, может быть, подобное путешествие во времени – случай не единичный.

Мрачный до сих пор Кубатай повеселел, достал из ножен огромный кинжал и принялся за еду. Зазвучала тихая приятная музыка. Люди (и мы в их числе) лакомились фруктами и незнакомыми нам яствами, негромко переговариваясь. Когда на нас почти перестали обращать внимание, Ережеп встал из-за стола и подошел к нам. Слегка поклонившись, он с помощью Смолянина спросил:

– Думаю, вы многое хотите узнать у меня?

Стас утвердительно закивал, но с набитым ртом сказать ничего не мог. А я попросил объяснить нам наконец, что это за «защита реальности» и почему флот могли расформировать сразу после нашего прибытия.

– Это тайна всеземной категории (вообще-то Смолянин опять сказал «всемирной крутизны»), но так, наверное, будет правильной), – начал он. – Но вы и сами – всемирная тайна. Думаю, ничего страшного не случится, если одна тайна узнает другую.

И вот что он нам рассказал.

Когда ученые теоретически доказали возможность путе-

шества во времени, они пришли к выводу, что, если кто-нибудь отправится в прошлое, погибнет весь мир.

Мы не поняли почему, и он привел пример. Если отправиться в доисторические времена и поохотиться там на обезьян, можно пристрелить и такую, у которой было много внуков и правнуков, а от этих внуков и правнуков произошли люди. Они построили дома, чего-то там изобрели, написали книги, ну и так далее. Всего этого уже не будет. Мир станет другим. Но ведь и тот мир, из которого мы прибыли, тоже был на самом деле. И вот два этих мира – старый и новый – в одно и то же время оказываются в одном месте. Плотность вещества реальности удвоится, и произойдет взрыв. Не останется абсолютно ничего.

Ережеп добавил, что в теории не надо даже пристреливать обезьяну. Появишься в прошлом, сделаешь вдох, и все – мир переменится. Взрыв – и нет никакого будущего.

Узнав все это, люди так перепугались, что запретили всякие попытки построить машину времени. И была создана специальная организация – Департамент Защиты Реальности (ДЗР), – которая этим и занимается. Его называют просто «Департамент», потому что все, что с ним связано, напроць засекречено, и к тому же все прекрасно понимают, о чем речь.

Департамент – самая могущественная организация на Земле. Когда надо, он диктует свою волю и Всемирному правительству, а оно слушается без разговоров. У Департамен-

та – куча агентов, и вся информация Земли проходит через него и обрабатывается огромным компьютером. Он-то и обратил внимание на легенду о том, что в двадцатом веке двое братьев нашли машину времени и отправились в будущее. Проанализировав всю прямую и косвенную информацию, касающуюся этой легенды, компьютер, на удивление всему Департаменту, выдал степень вероятности – семьдесят процентов. Значит, отмахнуться от этого было уже нельзя, ведь тот, кто может попасть из прошлого в будущее, может потом, по незнанию, попытаться на той же машине времени вернуться обратно в прошлое. А это – конец. Вот и была создана хронопатрульная служба – чтобы встретить гостей из прошлого и уничтожить их опасную машину.

– Но почему в космосе? – удивился я.

– Так подсказала теория. В отличие от путешествия в прошлое, перемещение в будущее безопасно для реальности, но не для самого путешественника. Ведь в будущем на том месте, где он появится, уже есть какое-то вещество, хотя бы воздух. Поэтому появляться можно только в вакууме, в космосе. И ученые решили, что хроноскоф должен быть устроен так, чтобы одновременно с перемещением во времени он перемещался и в околоземное пространство.

– А откуда вы узнали, где именно и когда мы появимся? – спросил Стас.

– А мы и не знали. Потому-то хронопатрульная служба и прочесывает все околоземное пространство уже почти две-

сти лет.

– Ясно, – сказал Стас. – А откуда вообще взялся наш хроноскаф?

– А вот это неизвестно и нам, – ответил Ережеп, – мы уверены только в том, что нигде на Земле сделать его невозможно – Департамент не дремлет. Вероятнее всего, он был создан какой-то древнейшей цивилизацией, возможно даже нечеловеческой. Но в ход его так и не пустили. Почему – мы можем только гадать. Вероятно, его создатели не сразу, но поняли, какую угрозу миру несет их изобретение...

И тут до Стаса дошло:

– Так вы что, домой нас отправлять не собираетесь?

У меня аж дух захватило, когда он это спросил. Меня ведь самого давно подмывало задать этот самый главный вопрос. Но я боялся услышать ответ...

– Очень сожалею, – сокрушенно покачал головой Ережеп, – но это абсолютно исключено. Постарайтесь понять: прошлого нет. Уже пятьсот лет как нет.

Я почувствовал, как к горлу подкатил комок. Это что же выходит, и мама с папой умерли пятьсот лет назад? А как они, наверное, переживали, когда мы исчезли...

– А если, например, мне тут у вас не нравится? – агрессивно спросил Стас.

Ережеп сочувственно кивнул и развел руками.

В этот момент тихая, льющаяся со всех сторон музыка резко изменилась, стала ритмичной и напористой. Боковые

двери зала вновь распахнулись, и к столу подплыли платформы, нагруженные сосудами самых разных форм и цветов. Ясно было, что это напитки. Ережеп вернулся на свое место.

Стас глянул на меня мокрыми глазами:

– Костя, давай напьемся с горя, что ли?

– Балда, – ответил я, хотя и сам чувствовал себя паршиво. – Кто же тебе даст?

– А вот и даст, – сказал Стас решительно и сдернул с проплывающей мимо платформы красивую бутылку с обернутым фольгой горлышком. Похоже, шампанское прошло через века неизменным.

Корча от натуги рожи, Стас с остервенением принялся скручивать с пробки проволочку. Ережеп, Смолянин и остальные сидящие поблизости озадаченно за ним наблюдали. Стас поднял голову, зло глянул на них и пояснил:

– Русская традиция двадцатого века: после еды детям дают шампанское.

Пробка с грохотом вылетела из горлышка и угодила в люстру. Почти полбутылки пеной выплеснулось на стол. Остальное Стас разлил в два странных несимметричных сосуда. Ему, как всегда, поверили, и хлопки пробок раздались со всех сторон. Стас поднял бокал, глянул на меня, шмыгнул носом, вытер свободной рукой глаза и... залпом выдул половину, потом отдышался и допил. Я так не смог. Сделал пару глотков и поставил бокал на место. Стас поморщился и икнул.

– Армахет – ытар Сет¹⁴, – напомнил я ему.

– Иди ты, – махнул рукой Стас и блаженно откинулся на спинку кресла.

Самый молодой из присутствующих, пестрый парнишка, которого я приметил с самого начала, поднялся с бокалом в руках и что-то сказал.

– Он предлагает выпить за смелых детей, – перевел Смолянин.

Все встали и опорожнили свои сосуды. Выпив, молодой сотрудник Департамента заговорил снова, и Смолянин перевел нам, что тот сгорает от любопытства и хочет о многом нас расспросить. Не будем ли мы столь любезны и не ответим ли мы на несколько вопросов.

– Валяйте, – сказал Стас и поднялся с ненормальным блеском в глазах.

– Где и каким образом вы обнаружили хроноскаф?

– Сами сделали, – не задумываясь ответил Стас. – Взяли швейную машинку, компьютер, бочку из-под кваса и этот... как его... – Стас наморщил лоб. – Плазмогенератор, вот, прикурочили, и – порядок.

Я просто обалдел.

– То есть вы хотите сказать, что пятьсот лет назад людям была известна теория темпорального поля?!

– Не, – ответил Стас, – людям неизвестна. Я ее сам придумал. С ним вот, – ткнул он пальцем в меня.

¹⁴ Пьяница – друг Сета (возм., др.-егип.).

Присутствующие принялись возбужденно обсуждать новость.

– Стас, кончай, – сквозь зубы процедил я и показал ему под столом кулак. Но он снова икнул и продолжил пресс-конференцию.

– Вам не кажется, что ваше заявление граничит с абсурдом? – порывисто обратился к нему худощавый мужчина с лиловым ежиком на голове.

– Граничит, – икнув, согласился Стас. – И что?

– А то, что вы – дети! – вскричал мужчина, по-видимому ученый, ероша тонкими пальцами свой лиловый ежик. – Со скольких лет в двадцатом веке юноша считался совершеннолетним?

– С десяти, – не моргнув глазом, заявил Стас. – Как только исполняется, ему сразу выдают квартиру, швейную машинку и жену.

Это сообщение вызвало еще большее оживление.

– Вы женаты?

– Я? Э-э-э... Нет, я холостяк. Правда же, Костя? – Язык его слегка заплетался. – Была одна, Швачкина Ольга из четвертого «Б»... Только я решил подумать. Ладно, я устал. – Он ладонью остановил желающих что-то спросить, которых становилось все больше. – Остальные вопросы – потом.

Он уселся на место, откинулся на спинку кресла и моментально заснул. Армахет проклятый. Отдувайся теперь за него.

Но отдуваться не пришлось. Один из присутствующих что-то горячо затараторил. Оказывается, злоупотребляя гипносом, люди давно уже разучились засыпать самостоятельно, и Стасова способность привела всех в восторг и умиление.

Кубатай, не выпуская кинжала, подхватил Стаса на руки и понес из зала. Выглядел он не то как телохранитель юного миллиардера, не то как маньяк-убийца. Я помахал рукой гостям и в сопровождении Смолянина пошел следом.

Вскоре мы оказались в просторной квадратной комнате без мебели, стены которой плавно меняли цвет и слегка светились. У входа я заметил нечто вроде пульта управления.

Смолянин ткнул в какую-то кнопку, и чуть правее центра комнаты, в полуметре от пола, замерцало овальное облачко. На него-то Кубатай и уложил Стаса. Тот, сладко посапывая во сне, перевернулся на бок. Херувимчик пьяный.

Смолянин объяснил мне, как пользоваться пультом, и мы остались в спальне одни. Теперь я знал, на какую кнопку надо нажать для создания второй гравикровати, на какую – чтобы получить сеанс массажа, какая включает музыку, а какая – гипносон.

Но этой кнопкой я пользоваться не стал. Хотя мне и не спалось. Я все думал о папе, о маме, о кошках... Даже Вальку Мельника вспомнил с симпатией.

Как же это нас угораздило вляпаться в такую историю?..

Глава третья,
*в которой мы собирались
ехать на охоту, а вместо этого
попали на семинар кулинаров*

Я проснулся оттого, что очень захотел пить. Пару минут повозившись с пультом, я открыл дверь. Осторожно выглянул, есть ли кто в коридоре. Идти по чужому дому в одних трусах было неудобно, а одеваться – лень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.